

misterium

misterium

**ЭЛИЗАБЕТ
ДЖОРДЖ**

**В ПРИСУТСТВИИ
ВРАГА**

ТОМ 1

ЭКМО
Москва
2013

УДК 82 (1–87)
ББК 84(7США)
Д 42

Elizabeth George

IN THE PRESENCE OF THE ENEMY

Copyright © 1996 by Susan Elizabeth George
This translation is published by arrangement with Bantam Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.

Джордж Э.

Д 42 В присутствии врага : роман в 2 т. Т. 1 / Элизабет Джордж ; [пер. с англ. Е. Дод]. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-699-64937-2

Главный редактор бульварной газеты Деннис Лаксфорд получает анонимное письмо, в котором говорится, что, если он публично заявит о своем первенце, Шарлотта будет освобождена. Лаксфорд в недоумении: Шарлотта и есть его первый, внебрачный ребенок. Выясняется, что девочка действительно исчезла, однако ее мать, занимающая высокий пост в правительстве, категорически не желает привлекать к поискам полицию и вообще подозревает, что все это дело рук ее бывшего любовника с целью разрушить ее карьеру. В этой абсурдной ситуации Лаксфорд вынужден обратиться за помощью к эксперту-криминалисту Саймону Сент-Джеймсу. Однако похититель не желает ждать, он снова требует опубликовать статью с признанием Лаксфорда и на этот раз угрожает убить девочку...

УДК 82 (1–87)
ББК84(7США)

ISBN 978-5-699-64937-2

© Дод Е., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

*Посвящается дорогой памяти
Фредди Лашапеля
(1948–1994)*

*Я дарю тебе бессмертие
доступным мне скромным способом.
Пребуди с Богом, милый Фредди.*

Притворство разгадать
Ни ангелам, ни людям не дано;
Из прочих зол единое оно
Блуждает по земле и, кроме Бога,
По попущенью Господа,
Никем не зримо.

Джон Мильтон. Потерянный рай
Перевод Арк. Штейнберга

Часть первая

1

Шарлотта Боуэн решила, что умерла. Она открыла глаза — ее окружали холод и мрак. Холодом тянуло снизу, точь-в-точь как от земли на клумбе в саду ее матери, где из-за постоянно подтекающего садового крана образовывалось пятно сырости, зеленое и вонючее. Тьма была повсюду. Чернота навалилась на Шарлотту тяжелым одеялом, и девочка напряженно всматривалась в нее, пытаясь разглядеть в бесконечной пустоте какой-нибудь силуэт, уверивший бы ее, что она не в могиле. Поначалу Шарлотта не шевелилась. Не двигала ни руками, ни ногами, потому что боялась стукнуться о стенки гроба, боялась узнать, что смерть вовсе не такова, какой ей всегда представлялась: с сонмом святых, с морем солнечного света и с ангелами на качелях, играющими на арфах.

Шарлотта прислушалась, но ничего не услышала. Потянула носом воздух, но ничего не уловила, кроме окружавшего ее запаха затхлости — так пахнут старые

камни, когда обрастают плесенью. Девочка сглотнула и ощутила слабый привкус яблочного сока. И этого оказалось достаточно, чтобы она вспомнила.

Он ведь дал ей яблочного сока. Протянул ей запотевшую бутылку с уже открученной крышкой. Улыбнулся, сжал ее плечо и сказал:

— Не волнуйся, Лотти. Ради мамы.

Мама. Вот в чем все дело. Где же мама? Что с ней случилось? А с Лотти? Что случилось с Лотти?

— Произошла авария, — сказал он. — Я отвезу тебя к твоей маме.

— Где? — спросила она. — Где мама? — И потом громче, потому что внезапно свело живот и не понравилось, как этот человек на нее смотрит: — Скажите мне, где моя мама! Скажите! Сейчас же!

— Все в порядке, — быстро ответил он, озираясь. Совсем как маму, его смутил ее крик. — Успокойся, Лотти. Она в правительственном убежище. Тебе известно, что это такое?

Шарлотта покачала головой. В конце концов, ей было всего десять лет и деятельность правительства являлась для нее тайной. Она знала только то, что ее «состоявшая в правительстве» мама уходила из дому еще до семи утра и возвращалась, когда Шарлотта уже спала. Мама ездила в свой офис на Парламентсквер. Ездила на свои заседания в Министерство внутренних дел. Ездила в палату общин. Днем по пятницам принимала своих избирателей в мэрилебонском офисе, а Лотти тем временем делала уроки, спрятанная от людских глаз в комнате с желтыми стенами, где заседал актив избирателей.

«Веди себя хорошо, — говорила ей мать, когда днем в пятницу Шарлотта приезжала из школы. Мама бросала многозначительный взгляд на комнату с желтыми стенами. — И чтобы ни гугу, пока мы не поедем домой. Ясно?»

«Да, мама».

А потом мама улыбалась: «Тогда поцелуемся. И обнимемся. Я хочу, чтобы ты меня еще и обняла».

Прервав свою беседу с приходским священником, или торговцем с Эджвер-роуд, или местной учительницей, или еще с кем-то, претендовавшим на десять минут драгоценного времени своего представителя в парламенте, мама подхватывала Лотти и крепко, до боли сжимала руками, а затем шлепала по попке и говорила:

«А теперь иди. — И, обернувшись к посетителю, со смехом добавляла: — Дети».

Пятницы были самыми лучшими днями. После приема они с мамой вместе возвращались домой, и Лотти рассказывала ей обо всех событиях за неделю. И мама слушала. Она кивала, а иногда похлопывала Лотти по коленке, но все время пристально вглядывалась в дорогу поверх головы водителя.

«Мама, — со вздохом мученицы произносила Лотти, безуспешно пытаясь отвлечь внимание матери от Мэрилебон-Хай-стрит. Маме необязательно смотреть на дорогу, ведь не она же ведет машину. — Я с тобой разговариваю. Что ты высматриваешь?»

«Потенциальную опасность, Шарлотта. Высматриваю потенциальную опасность. И тебе совету».

Похоже, опасность подкралась незаметно. Но правительственное убежище? Что это такое? Место, где можно спрятаться, если кто-то сбросит бомбу?

— Мы едем в убежище?

Лотти торопливо глотнула сока. Он был с каким-то странным привкусом — совсем несладкий, но она послушно выпила, поскольку знала: нельзя обижать взрослых отказом.

— Совершенно верно, — сказал он. — Мы едем в убежище. Твоя мама ждет нас там.

И это все, что она помнила отчетливо. Потом окружающее стало расплываться. Пока они ехали по Лондону, веки Шарлотты отяжелели, и не прошло и нескольких секунд, как она уже не могла держать голову. Откуда-то из глубины сознания всплыл добрый голос, вроде бы говоривший:

— Умница, Лотти. Поспи как следует.

И чья-то рука осторожно сняла с нее очки.

При этой последней мысли Лотти медленно поднесла руки к лицу, стараясь держать их как можно ближе к телу, чтобы невзначай не задеть стенки гроба, в котором она лежала. Пальцы коснулись подбородка. Медленно, словно шагая, поднялись к щекам. Нащупали переносицу. Очков не было.

Впрочем, в темноте — какая разница. Но если загорится свет... Только как в гробу может загореться свет?

Лотти тихонько вздохнула. Потом еще раз. И еще. «Сколько тут воздуха? — промелькнула у нее мысль. — Сколько у меня времени, прежде чем... И почему? Почему?»

Девочка почувствовала, как сжалось горло, в груди сделалось горячо. Защищало в глазах. «Я не должна плакать, — подумала она, — ни за что не должна. Никто никогда не должен видеть...» Правда, видеть-то нечего. Вокруг не было ничего, кроме бесконечной, чернее черного тьмы. И от этого снова сжалось горло, в груди сделалось горячо, в глазах защищало. «Я не должна, — подумала Лотти. — Не должна плакать. Нет, нет».

Родни Эронсон приткнулся широким задом к подоконнику в кабинете главного редактора и почувствовал, как старые жалюзи шаркнули по его джинсовой куртке. Он выудил из кармана остатки батончика «Кэдбери» с цельным орехом и принялся разворачивать фольгу с увлеченностью палеонтолога, скрупулезно удаляющего землю с останков доисторического человека.

В другом конце комнаты, развалившись в кресле, которое Родни называл Креслом власти, сидел за столом совещаний Деннис Лаксфорд. С улыбкой проказника эльфа главный редактор слушал последнюю за день сводку о событии, которое на прошлой неделе пресса окрестила «Румбой со съемным мальчиком». Отчет с большим воодушевлением представлял лучший в штате «Осведомителя» спец по журналистским расследованиям. Двадцатитрехлетний Митчелл Корсико, по-идиотски преданный в одежде ковбойскому стилю, обладал чутьем ищейки и проницательностью барракуды. Он чувствовал себя как рыба в воде в

атмосфере парламентских махинаций, недовольства общественности и сексуальных скандалов.

— Сегодня днем, — вещал Корсико, — наш уважаемый член парламента от Восточного Норфолка заявил, что его избиратели стоят за него горой. Он невиновен, пока вина не доказана и все такое. Глава правящей партии считает, что вся эта шумиха поднята бульварной прессой, которая, как он утверждает, в очередной раз пытается подорвать позиции правительства.

Корсико перелистал блокнот, видимо в поисках соответствующей цитаты. Найдя ее, он сдвинул на затылок свой драгоценный стетсон¹, встал в героическую позу и зачитал:

— «Не секрет, что средства массовой информации полны решимости свалить правительство. Эта история со съемным мальчиком — просто очередная попытка Флит-стрит² повлиять на ход парламентских дебатов. Но если массмедиа желают падения правительства, им предстоит сразиться не с одним, а с целой когортой достойных противников, готовых принять бой, от Даунинг-стрит и Уайтхолла и до Вестминстерского дворца»³. — Корсико закрыл блок-

¹ Стетсон — ковбойская шляпа. (*Здесь и далее прим. перев.*)

² Флит-стрит — улица в Лондоне, на которой до недавнего времени находились редакции большинства крупнейших газет; переносно: мир прессы.

³ Даунинг-стрит, Уайтхолл — улицы в центральной части Лондона, где находятся важнейшие министерства и другие правительственные учреждения. Вестминстерский дворец — здание английского парламента.

нот и сунул его в задний карман сильно поношенных джинсов. — Как благородно, а?

Лаксфорд слегка откинулся назад вместе с креслом и сложил ладони на совершенно плоском животе. Сорок шесть лет — тело юноши и густая светло-русая шевелюра в придачу. На эвтаназию бы его, зло подумал Родни. Вот было бы благо для всего коллектива и для самого Родни в частности — не пришлось бы плестись в хвосте его элегантности.

— Нам не нужно валить правительство, — сказал Лаксфорд. — Мы можем сидеть и ждать, пока оно свалится само. — Он лениво потеревил свои шелковые рисунчатые подтяжки. — Мистер Ларнси по-прежнему придерживается первоначальной версии?

— Стоит насмерть, — ответил Корсико. — Наш уважаемый член парламента от Восточного Норфолка ничего не прибавил к своему предыдущему заявлению относительно, как он его назвал, «печального недоразумения, возникшего в результате моего нахождения в автомобиле за Паддингтонским вокзалом вечером в прошлый четверг». Он якобы собирал там сведения для Особого комитета по наркотикам и проституции, который и возглавляет.

— А существует Особый комитет по наркотикам и проституции? — спросил Лаксфорд.

— Если и нет, то, можете быть уверены, правительство немедленно его создаст.

Лаксфорд сцепил пальцы на затылке и еще на сантиметр отклонился назад вместе с креслом. Лучшего развития событий и пожелать было нельзя. За нынешний период пребывания у власти консервато-

ров чего только не откопали национальные таблоиды: парламентариев с любовницами, парламентариев с внебрачными детьми, парламентариев, развлекающихся с проститутками, парламентариев-онанистов, парламентариев, незаконными путями приобретающих недвижимость, парламентариев, находящихся в подозрительных контактах с промышленностью. Но о подобном еще не слыхивали: член парламента от консерваторов был накрыт с таким, что называется, личным, что любо-дорого посмотреть: с шестнадцатилетним съемным мальчиком, да еще в момент совокупления. Более доходную новость трудно было придумать, и Родни видел, как Лаксфорд мысленно оценивает солидное повышение зарплаты, которое ему светит после подведения всех итогов. Теперешние события позволяли ему вывести «Осведомитель» на первое место по тиражам. Удачливый негодяй, черт бы побрал его гнилое сердчишко. Но по мысли Родни, он был не единственным журналистом в Лондоне, который смог бы воспользоваться неожиданной возможностью и превратить ее в стоящий газетный материал. На Флит-стрит он был не единственным бойцом.

— Премьер-министр отделается от него не позже чем через три дня, — предсказал Лаксфорд и глянул в сторону Родни. — Твой прогноз?

— Я бы сказал, что три дня многовато, Ден.

Родни внутренне улыбнулся выражению лица Лаксфорда. Главный редактор ненавидел уменьшенные формы своего имени.

Лаксфорд, сощурившись, оценивал ответ Родни. Не дурак этот Лаксфорд, подумал Родни. Он не сидел бы, где сидит, если бы не обращал внимания на кинжалы, нацеленные ему в спину. Лаксфорд снова обратился к репортеру:

— Что у вас дальше?

Корсико стал перечислять, на каждом пункте прищелкивая пальцами.

— Жена члена парламента Ларнси поклялась вчера, что не бросит мужа, но я располагаю сведениями, что сегодня вечером она от него уезжает. Мне нужен фотограф.

— Об этом позаботится Род, — сказал Лаксфорд, уже не взглянув больше в сторону Родни. — Что еще?

— Ассоциация консерваторов Восточного Норфолка проводит сегодня вечером заседание, на котором обсудит «политическую жизнеспособность» своего члена парламента. Мне позвонил кто-то из этой ассоциации и сказал, что Ларнси попросят уйти.

— Что-нибудь еще?

— Мы ждем комментариев премьер-министра. Ах да. Кое-что еще. Анонимный звонок — утверждают, что Ларнси всегда был равнодушен к мальчикам, даже в школе. Жена со дня свадьбы была ширмой.

— А что с этим съемным мальчиком?

— В настоящий момент он прячется. В доме своих родителей в Южном Ламбете.

— Он даст интервью? А его родители?

— Я продолжаю над этим работать.

Лаксфорд опустил передние ножки кресла на пол.